

Р. Ш. Ганелин

**И. В. Сталин, А. Я. Вышинский
и Ю. П. Францев в 1949–1953 гг.:
от борьбы с космополитизмом
к «делу врачей»**

*Памяти
Светланы Сергеевны Пантелли*

4 апреля 1949 г. я, как и другие студенты исторического факультета ЛГУ, сидел в самой большой его аудитории — лектории, где проходила конференция, посвященная борьбе с космополитизмом. Проводил ее новый декан, профессор Н. А. Корнатовский. Ее участникам, возможно, за единственным исключением, о котором сейчас пойдет речь, как, по-видимому, и организаторам, не было известно, что за несколько дней до того партийное руководство с самим Сталиным во главе распорядилось приглушить громовой тон антикосмополитической кампании. Основные относящиеся к этому документальные сведения несколько лет тому назад опубликованы Д. Г. Наджафовым и З. С. Белоусовой¹. Эти сведения, как и другие, появившиеся в разное время в печати, были мною использованы².

Однако готовый к обвинению в нескромности, хочу сослаться на первое издание своих воспоминаний, где я писал об одном из своих впечатлений на конференции, сводившемся к тому, что, провозглашая чуть ли не в виде лозунга: «космополиты это троцкисты, бухаринцы, зиновьевцы», Н. А. Корнатовский перегибал даже тогдашнюю палку³. Действительно, потом оказалось, что 31 марта 1949 г. на записке редактора газеты «Советское искусство» В. Г. Вдовиченко, адресованной Г. М. Маленкову 17 марта с разоблачениями руководителей Союза композиторов как евреев или в прошлом троцкистов и деятелей объявленной впоследствии враждебной организацией Российской ассоциации пролетарских музыкантов, появилась резолюция М. А. Сулова: «т. Шепилову. Вдовиченко всех валит в одну кучу». 29 марта на совещании в ЦК редакторы газет

**Ганелин Рафаил
Шоломович,**
*доктор
исторических наук,
член-корреспондент
РАН.
eganelin@mail.ru*

и журналов получили предупреждение против перегибов в антикосмополитической кампании. В Москве последствия этого тут же сказались⁴.

Не менее памятна мне и речь академика В. В. Струве на конференции исторического факультета. В числе других профессоров он получил слово для признания собственных космополитических грехов (некоторые совмещали это с критикой коллег). Он начал со смиренного заявления о том, что учится марксизму у всех своих учеников, как первокурсников, так и старших своих учеников, и продолжил вдруг окрепшим голосом: «а среди них есть лица, занимающие очень видное положение».

Не знаю, было ли это понято организаторами конференции, но я намотал сказанное себе на ус, хотя объяснить не мог, как и слова В. В. Струве на устроенном Н. А. Корнатовским несколько раньше специальном заседании совета факультета для отмены решения, принятого на последнем заседании под председательством В. В. Мавродина о присуждении кандидатской степени моему другу В. Я. Голанту. На том также памятном специальном заседании совета каждый из его членов должен был публично отказаться от своего голоса, поданного ранее за присуждение степени. В. В. Струве, исполнив позорный ритуал (мой учитель Н. П. Полетика, оппонировавший В. Я. Голанту, был единственным, подтвердившим свою позицию), добавил, что диссертант в течение некоторого времени чувствовал себя кандидатом наук, и с этим нельзя не считаться. (Н. А. Корнатовский вскоре был арестован, а Н. П. Полетика в 1951 г. почел за благо уехать из Ленинграда).

Прошло более полувека до того, как появился ответ на вопрос о причинах поведения В. В. Струве. Ответ этот содержался в упоминавшемся сборнике документов «Сталин и космополитизм» и заключался в том, что один из старших учеников В. В. Струве, упомянутый, но не названный им по имени на антикосмополитической конференции, Ю. (Г.) П. Франце(о)в, занимавший до 3 апреля 1949 г. пост директора Московского государственного института международных отношений, был в этот день утвержден Оргбюро ЦК ВКП(б) заведующим Отделом печати Министерства иностранных дел. Сделано это было вслед за назначением 3 марта министром А. Я. Вышинского вместо В. М. Молотова, снятого с этого поста ввиду ареста его жены за связь с назначенной послом Израиля в Москве Голдой Меир.

Первым делом Ю. П. Францева на его новой службе стала подготовка статьи «Космополитизм — орудие идеологической реакции», появившейся в «Правде» уже 7 апреля под псевдонимом «Ю. Павлов». Несмотря на стандартно грозный заголовок, она рассматривалась как до некоторой степени отводящая удар от обвинявшихся в космополитизме советских ученых и деятелей культуры. Ни один из них в статье назван не был, а про причисленных в ней к космополитам американцев тогда шутливо говорили, что их ведь за это хлебной карточки не лишат. Текст «Правды» лег в основу статьи о космополитизме в Большой советской энциклопедии.

Кто же был Францев, и что заставило его сейчас же после занятия руководящего поста, на котором ему следовало заботиться о благоприятном освещении политики СССР советскими

и зарубежными СМИ, использовать свое влияние для изменения этой политики? Специалист по древней истории Востока и религии, он в 1936–1945 гг. был директором Музея истории религии в Ленинграде. По-видимому, обладал стойким и независимым в пределах возможностей того времени характером. В 1938 г. он категорически отказался от избрания в члены-корреспонденты АН СССР, несмотря на уже состоявшееся выдвижение его кандидатуры⁵.

В объяснение позиции Ю. П. Францева по отношению к кампании против космополитизма можно сослаться на неприемлемость для него, сына русского московского врача, женатого на еврейке Вере Моисеевне Коган, антисемитской направленности этой кампании. Напомним о заявлении в рабочей аудитории заместителя заведующего Агитпропом ЦК ВКП(б) литературоведа Ф. М. Головенченко: «Вот мы говорим — космополитизм. А что это такое, если сказать по-простому, по-рабочему? Это значит, что всякие мойши и абрамы захотели занять наши места»⁶.

Д. Г. Наджафов и З. С. Белоусова считают, что указание умерить пыл газетной антикосмополитической кампании было дано между 23 и 26 марта⁷.

В дополнение к уже сказанному, в том числе и автором этих строк⁸, о «приглушении» работ, следует остановиться на истории с Всесоюзным совещанием физиков, которое должно было по решению Секретариата ЦК ВКП(б) открыть борьбу против идеализма, космополитизма и низкопоклонства в этой науке⁹. Первоначальные даты его проведения по решению Секретариата были 24–30 января 1949 г. Подготовленное, оно так и не состоялось 31 марта 1949 г., на которое его назначили после нескольких переносов. По образцу сессии Всесоюзной академии сельскохозяйственных наук им. Ленина (далее — ВАСХНИЛ) 1948 г., идеологическая «чистка» должна была распространиться и на физику. Инициатива принадлежала философу, члену-корреспонденту АН СССР А. А. Максиму. Вот что писал об этом академик М. А. Марков: «Как же готовилось это совещание? Был Президиум АН СССР, на котором обсуждались итоги сессии ВАСХНИЛ. Меня встретил Вавилов и сказал: “Моисей Александрович, выступал Максимов, он требует провести соответствующее совещание по физике, и главным “идеалистом” должны стать Вы”. А незадолго до этого Максимов опубликовал в “Литературной газете” статью под названием “Об одном философском кентавре”, в которой речь шла обо мне. Таким образом, в широкой печати уже началась дискуссия по поводу квантовой механики»¹⁰.

Оргкомитет во главе с известным в сталинское время руководителем научной жизни А. В. Топчиевым активно действовал с 30 декабря 1948 по 16 марта 1949 г. «Его 42 заседания фактически стали заседаниями несостоявшегося совещания, поскольку в обсуждении докладов и выступлений участвовали специально приглашенные ведущие физики и философы страны», — пишет исследователь этого предмета¹¹. Совещание предполагалось провести в Доме ученых с участием 600 человек. «Мероприятие готовилось грандиозное; по масштабу и значению оно должно было стать вровень с недавней сессией ВАСХНИЛ. Как и там, предполагалось тщательно все отрепетировать, подготовить доклады и выступления, прослушать

и утвердить их на заседаниях оргкомитета, а после совещания издать полный стенографический отчет»¹².

Развитие кампании по образцу того, что было вокруг сессии ВАСХНИЛ, придавало всему происходившему в начале 1949 г. особенно одиозный характер. Речь идет об осуществленном по указанию и под руководством ЦК исключении из АН ее иностранных членов Германа Дж. Меллера, Генри Дэйла и Олофа Брока, связанном с усилением разоблачительной кампании в иностранной печати¹³. Репутации Советского Союза был нанесен серьезный ущерб, и в поданной Маленкову 8 апреля записке Шепилова и Жданова виновной была представлена АН. Красным карандашом Маленкова была подчеркнута следующая фраза: «Неосведомленность Академии наук СССР о деятельности и настроениях ученых за рубежом лишает Академию возможности своевременно предотвращать акты, подобные выступлениям Меллера, Дэйла и других»¹⁴. Президиум АН обязывали «установить постоянную связь с ее иностранными и почетными членами и членами-корреспондентами», которая была на самом деле прервана запретительными мерами властей.

Такой оборот дела был вызван самим С. И. Вавиловым, который, как и Д. Т. Шепилов, стремился сорвать совещание. Он представил Маленкову декабрьские 1948 г. письма к нему английских физиков: коммуниста профессора Дж. Бернала и опубликованное в «Таймс» профессора М. Борна. Дж. Бернал, требуя прекратить закрытость советского общества, писал: «Я имею в виду в данном случае пример с Н. И. Вавиловым. Недостаток сведений о его деятельности в последние годы его жизни и об обстоятельствах смерти сделало возможным людям, работающим в той же области и претендующим на личную дружбу с ним, распространять наиболее возмутительную ложь». Понимая, однако, что истина страшнее любой лжи, он добавлял: «Я думаю, что каковы бы ни были факты, нас следовало бы информировать о них возможно скорее»¹⁵. Бернал сообщал, что научные журналы из СССР перестали поступать за границу с начала 1947 г.

Предельно выразительным было письмо М. Борна в «Таймс». «Много руководящих русских физиков — писал он, — являются моими друзьями, некоторые были в свое время моими учениками. Мой отказ от членства в Академии показался бы им дезертирством. Если русские власти осудят результаты квантовой теории, развитию которой я содействовал и в истинность которой я верю, они сами могут предпринять шаги, если пожелают этого, и исключат мое имя из списка почетных членов Академии. Я хочу совершенно ясно определить мою позицию, заявляю, что я не согласен с марксистской философией науки.... Если это признание приведет к моему исключению из Русской Академии, я приму последнее с сожалением. Я уже однажды прошел через подобное испытание, когда германские академии исключили меня во время господства нацистов. Десять лет спустя ко мне обратились за разрешением еще раз включить мое имя в их списки»¹⁶. Аналогия с гитлеровским разгромом «еврейской физики» была предельно полной.

При таких обстоятельствах проводить совещание для обеспечения в физике строгой идеологической выдержанности было, мягко говоря, затруднительно. Обещание С. И. Вавилова Берналу прислать текст своего доклада и другие материалы совещания лишь подчеркнуло это.

Известные версии обстоятельств и причин отмены совещания физиков сходны между собой в том, что сделал это задумавший его Сталин. «Конечно, вряд ли он сам осознал пагубность для советской физики предстоящего совещания, — пишет А. С. Сонин. — Видимо, кто-то его определенным образом информировал. Это мог быть Курчатов, хотя, скорее всего, это сделал Берия, курировавший работы по атомной проблеме. По словам заместителя Курчатова Н. Н. Голвина, референт Берии генерал В. А. Махнов рассказывал ему, что такой разговор был. На одном из совещаний в начале 1949 г. Берия спросил у Курчатова, правда ли что теория относительности и квантовая механика — это идеализм и от них надо отказаться. На это Курчатов ответил: “Мы делаем бомбу, действие которой основано на теории относительности и квантовой механике. Если от них отказаться, придется отказаться и от бомбы”. Берия был явно встревожен подобным ответом и сказал, что самое главное — бомба, а остальное — ерунда. Видимо, он тут же связался со Сталиным, и тот отменил совещание»¹⁷. С этим сообщением солидаризируется академик М. А. Марков.

Академик Е. П. Велихов излагает дело таким же образом. «В 1936 г., — писал он, — был расстрелян декан физического факультета МГУ Б. М. Гессен, и после этого мракобесие воцарилось на факультете до 1953 г. Такая же судьба ждала и физическое отделение Академии наук. В начале 1949 г. к печати была подготовлена статья члена-корреспондента А. Н. Молчанова (должно быть А. А. Максимова. — Р. Г.), за которой просматривался ЦК партии и в которой говорилось о “вредительстве в физике” и необходимости провести открытую дискуссию среди ученых.

Есть легенда, что, узнав об этом, Курчатов, Зельдович и Харитон вместе позвонили Берии. Они заявили ему, что если немедленно не изменить подход к науке, то атомная бомба не взорвется. Лаврентий Павлович задумался и пошел докладывать Сталину. Берия якобы поставил вопрос так: “либо дискуссия, либо бомба”. Сталин ответил: “Конечно, бомба. Но дискуссия это тоже хорошо. Ведь человек старался, написал статью. Надо ее опубликовать. Давайте ее опубликуем в журнале мясо-молочной промышленности”. Позже последовал звонок: подготовка к “дискуссии” был прервана “по техническим причинам” и больше не возобновлялась»¹⁸.

Сталинский сарказм при выборе журнала для помещения статьи Максимова показывал, что замысел вождя определялся не марксистской ортодоксальностью, которая была для него такой же «ерундой», как и для Берии, ведь они оба больше всех знали о значении сделанного американскими физиками, а циничными погромно-провокационными целями. Впрочем, это понимал, по-видимому, и Топчиев, человек, по отзывам знавших его, умный и обладавший трезвым цинизмом (в июне 1949 г. он по указанию сверху был избран академиком). Когда марк-

сист-боевик академик М. Б. Митин на заседании оргкомитета съязвил по поводу похвального отзыва академика В. А. Фока о работе академика М. А. Маркова, сидевший рядом с Марковым председательствовавший Топчиев, обращаясь к нему, «тихо проговорил: “Слушай, признай что-нибудь”»¹⁹. По версии академика С. В. Вонсовского, ответ Сталина Берии гласил: «Ладно, отмени сессию, пусть сделают бомбу, расстрелять всегда успеем»²⁰. Академик Е. Л. Фейнберг писал об «авторитетной защите науки И. В. Курчатовым, В. А. Фоком, С. И. Вавиловым и многими другими»²¹. Не следует, впрочем, забывать и общеполитических причин «приглушения» антикосмополитической кампании.

Таковы были хитросплетения отношений «на идеологическом фронте» к началу апреля 1949 г. перед лицом угроз, которые могли стать роковыми. Вполне возможно поэтому, что взгляды Ю. П. Францева, которые он, по всей вероятности, не скрывал, во всяком случае, от нового министра, способствовали его назначению. Замена Молотова Вышинским не должна была удовлетворить убежденных антисемитов и наиболее деятельных борцов с космополитизмом. Не с этим ли было связано то обстоятельство, что, несмотря на занятие высокого государственного поста, Вышинского не избрали в Верховный Совет, депутатом которого он ранее был? Снятие Молотова с поста министра произошло, как уже говорилось, ввиду ареста его жены за разговоры, которые она вела с Голдой Меир, как представляется, если не по поручению Сталина, то по угаданной его воле²². Но и Вышинский пользовался репутацией (а может быть, и использовал ее в служебных целях) содействовавшего советскому признанию государства Израиль, а еще раньше — поддерживавшего позиции Всемирного еврейского агентства²³.

В приводимом А. Ваксбергом обширном списке правоведов, обвиненных Вышинским в недостаточном или неудовлетворительном цитировании Сталина, были и Илья и Арон Трайнины, и Евгений Коровин²⁴. С течением времени, однако, в их среде произошло размежевание. Назначенный в начале 1948 г. директором Института государства и права АН СССР вместо И. П. Трайнина, Е. А. Коровин открыл борьбу с «засоренностью научных кадров (частью бездельники, частью выходцы из антисоветских групп — бывшие троцкисты, бундовцы, сионисты); односторонним национальным составом (из 65 научных сотрудников русских было всего 34 человека)»²⁵.

Приведенные слова Е. А. Коровина содержались в его письме Г. М. Маленкову 14 июня 1949 г., которое было вызвано обращением И. П. Трайнина к Вышинскому, пересланным Вышинским М. А. Суслову с просьбой о рассмотрении, которого при жизни заявителя так и не последовало.

Среди попавших под удар в Институте государства и права были люди, традиционно близкие не только к самому Вышинскому, но и к его дочери — известному правоведам З. А. Вышинской (среди ее учеников можно назвать театроведа В. Вульфа и адвоката Г. Резника). Что касается академика И. П. Трайнина, то Вышинский, как мы видели, хлопотал за него в ЦК. Член-корреспондент А. Н. Трайнин выпустил под редакцией А. Я. Вышинского в 1944 г. книгу «Уголовное

преследование гитлеровцев». Еще в 1941 г. он в соавторстве с В. Д. Меньшагиным и З. А. Вышинской под редакцией и с предисловием председателя Верховного суда СССР И. Т. Голякова издал комментарии к Уголовному кодексу РСФСР, переизданные в 1944 г.

Между тем, Сталина тянуло к открытым судебным процессам с полным саморазоблачением обвиняемых, традиционному большевистскому средству «борьбы за массы». Начало этому было положено процессом правых эсеров, устроенным интеллигентной дамой Еленой Розмирович. Постановочная сценичность нового жанра привела к его внедрению в театральную самодеятельность, участники которой выступали в ролях как судей и прокуроров, так и обвиняемых²⁶.

Московские процессы 1930-х гг., проведенные А. Я. Вышинским и В. В. Ульрихом, были страшным примером сочетания в одном лице профессии юриста с непреодолимым душевным призванием к ремеслу палача²⁷. Для Сталина удачность этих процессов была бесспорной. Но прошедшие с тех пор годы делали их не достижимым для устроителя идеалом. Процессы 1949 г. и без публичности шли не гладко.

Многочисленные вопросы приходили с Запада об арестах деятелей еврейской культуры, обстоятельствах смерти С. М. Михоэлса, расправу с которым ее инициаторы считали такой удачей, что если бы не смерть вождя, участь Михоэлса мог разделить П. Л. Капица²⁸. А. Эйнштейн запрашивал А. Я. Вышинского и о судьбе Н. И. Вавилова. С Эйнштейном для подручных Сталина дело облегчалось, вероятно, его отношениями с женой скульптора Коненкова, через которую к Берии шли и сообщавшиеся ей А. Эйнштейном сведения об американской физике. Обычным ответом на вопросы Запада были опровержения.

Иногда их приходилось делать с не меньшим режиссерским профессионализмом, чем процессы 30-х гг. Летом 1950 г. в Москву приехал известный певец негр Поль Робсон, один из друзей Советского Союза в США, который познакомился с Михоэлсом и И. Фефером, приезжавшими туда во время войны. Он потребовал теперь от принимавшего его А. А. Фадеева встречи с Фефером. «Надо же, чтобы была такая удача: Робсон захотел увидеться именно с Фефером, а не с кем-то другим!» — писал А. Ваксберг. «Удача» состояла в том, что Фефер был давним агентом НКВД и оставался им и под арестом.

«Несколько дней спустя, — продолжал А. Ваксберг, — Фадеев пригласил Робсона поужинать с ним в ресторане гостиницы “Метрополь”, где Робсон остановился. Они были вдвоем, но стол был накрыт на четверых. Вскоре пришли еще двое: Фефер и никому не знакомый мужчина, за весь вечер не произнесший ни слова. Впоследствии Робсон отмечал, что Фефер был бледен и худ, однако в отличном расположении духа. Вечер прошел в веселой и непринужденной беседе. Фефер просил передать привет своим многочисленным зарубежным друзьям. Ближе к полуночи разошлись: Робсон поднялся в свой номер, Фефер поехал неподалеку — на Лубянку, в тюремную камеру»²⁹.

Генерал А. А. Чепцов, председательствовавший вместо Ульриха в Военной коллегии Верховного суда, не проявлял необходимых литературного воображения и режиссерского дара.

Он еще до войны вынес оправдательный приговор М. С. Кедрову, наивно сообщившему Сталину о связях между НКВД и Гестапо и, несмотря на оправдание, расстрелянному по приказанию Берии после начала войны. Председательствуя на процессе по делу Еврейского антифашистского комитета, генерал Чепцов надолго остановил судебное разбирательство, считая обвинение недоказанным. Только по прямому распоряжению Г. М. Маленкова, данному именем Политбюро, он возобновил слушание дела, по которому, хотя признания от некоторых обвиняемых добиться не удалось, был вынесен смертный приговор им всем, кроме академика Лины Соломоновны Штерн³⁰.

Попытка добиться общественных откликов, избегая открытого суда, была предпринята в связи с делом автозавода им. Сталина. Его сценарий имел своим протографом заранее опубликованный роман Ф. Панферова «Большое искусство». Несколько работников завода стали жертвами состряпанного дела. Но возлагавшиеся на него надежды, по-видимому, не осуществились, директор завода И. А. Лихачев не был арестован, впоследствии заводу было присвоено его имя. А роман Панферова приобрел известность благодаря пространной разгромной рецензии редактора «Литературной газеты» В. В. Ермилова под заголовком «Большое ли это искусство?» Старательная и активная, хотя и не всегда удачная, роль Ермилова в антикосмополитической кампании, его специфическая общественная репутация³¹ придавали статье значение сигнала о недовольстве «в верхах».

Так называемое «ленинградское дело» не только не подняло требовавшейся Сталину волны народного негодования, но и вызвало некоторое недовольство даже среди собранного в Ленинградском Доме офицера обновленного, андриановского, партактива. Смертная казнь была восстановлена, когда «попковцы» были уже арестованы, и они, не зная об этом, вынесенных им смертных приговоров не ждали. «Этому предшествовали, — писал А. Ваксберг, — беспримерные пытки, изощренность которых наводит на мысль, что их “авторы” были не только величайшими палачами всех времен и народов, но к тому времени и окончательно свихнувшимися людьми. Кузнецова, Вознесенского и других топтали (в буквальном смысле слова), жгли раскаленным железом не в обычной камере пыток, а в вагоне двигавшегося поезда, который вертелся вокруг Москвы на путях окружной железной дороги. Судебный спектакль был обставлен ритуалом, перед которым бледнеют фантазии цезарей времен Римской империи: после объявления приговора, рассказывали очевидцы, на осужденных к смерти тут же накинули белые саваны с шутовскими колпаками, и офицеры понесли их, скованных и связанных, из зала ногами вперед. Воспринять это даже как безумную мистерию пробравшихся к власти озверелых бандитов отказывается разум»³². Присутствовавший на суде Д. И. Петрикеев рассказывал мне об этом именно так же, добавляя, что когда конвоиры, которые все были, по его словам, исполинского роста, потащили осужденных в находившийся поблизости от Дома офицеров так называемый Большой дом, в котором помещалось Управление МГБ, в зале явственно слышался ропот³³.

Разумеется, Вышинский лучше, чем кто бы то ни было, понимал, что Сталин стремится повторить тридцать седьмой год, но в новых условиях на его долю вдохновенного трибуна карательной идеологии могло выпасть не поддержание обвинения, а ампула жертвы. Не говоря уже о втором, нежелательным и страшным по многим причинам представлялось и первое, в частности потому, что оно могло легко обернуться вторым.

Юридическое дело, которое не могло не задеть Вышинского, должно было, как и «дело врачей», вырасти из антикосмополитической кампании с усилением ее антисемитской подоплеки. В течение 1951 г. в Чехословакии активно действовали московские советники тамошнего Министерства национальной безопасности и ЦК КПЧ. Это были руководящие лица из МГБ СССР и ЦК КПСС В. А. Боярский (позже, после привлечения к уголовной ответственности за пытки, профессор, доктор технических и кандидат исторических наук, в конце концов лишенный этих званий, сотрудник АН СССР и автор книг по горному делу, истории и политике), Е. И. Громов, Н. Н. Шаталин (впоследствии секретарь ЦК КПСС, лишившийся этого поста из-за участия в коллективных романтических похождениях партийных идеологов и аппаратчиков на даче министра культуры академика Г. Ф. Александрова, дядя академика С. С. Шаталина, одного из авторов программы «500 дней»), полковник А. Д. Бесчастнов. Именно от советской стороны исходила инициатива «раскручивания» дела Сланского с приданием ему антисемитского характера. У руля был, разумеется, сам Сталин, который давал свои указания в письмах К. Готвальду. Боярский придавал особое значение выбору на роль главного подсудимого именно Сланского как принадлежавшего к старой еврейской семье. А Сталин решил отозвать Боярского в Москву ввиду его «недостаточно серьезного отношения к работе», считая, что в материалах Боярского «нет никаких аргументов для обвинения»³⁴. Отозванного Боярского (он был, ко всему прочему, близок к арестованному в Москве министру государственной безопасности В. С. Абакумову) разжаловали из полковников в подполковники. Арестовал Сланского произведенный в генералы Бесчастнов.

Впрочем, режиссерского профессионализма в постановке процесса советские «научители» (так называли их в Праге) и после этого не проявили. Его заранее составленный сценарий был размножен и роздан всем участникам. «Научители» следили за тем, чтобы подсудимые от него не отклонялись, но прозевали промах одного из советских корреспондентов, сообщившего в своей газете как об уже состоявшемся в суде то, что на нем еще предстояло.

Приехав в Москву на похороны Сталина, К. Готвальд не мог не понять, что подвел его не только Боярский со своими коллегами, но и сам Сталин, преемники которого готовили освобождение врачей, между тем как Сланский и другие были уже расстреляны. Есть основания считать, что смерть Готвальда была самоубийством: в официальных сообщениях говорилось о воспалении легких из-за простуды на похоронах с кровоизлиянием в грудную клетку, для оказания ему помощи в Прагу был отправлен академик А. Н. Бакулев — грудной хирург. По мнению специалистов, такое кровоизлияние вряд ли может быть вызвано пневмонией.

Впоследствии, накануне XX съезда А. Новотный обратился в Москву с просьбой «разобраться в деле Сланского». В Праге этому делу собирались посвятить специальный Пленум ЦК КПЧ. Сразу по получении просьбы Новотного все относящиеся к делу документы были 18 января 1956 г. сожжены, а 27 января Президиум ЦК КПСС утвердил составленный М. А. Суловым и Б. Н. Пономаревым ответ ему. В нем сообщалось, что документы в архивах не обнаружены. Допрошенный тогда же Бесчастнов заявил, что инструктировавший его министр государственной безопасности СССР С. Д. Игнатьев сослался на прямую директиву Сталина об аресте и предании суду Сланского³⁵.

Об отношении Вышинского к «делу врачей» мне приходилось уже упоминать, в частности, в связи с приемом, оказанным им моей двоюродной сестре М. Л. Ганелиной³⁶. В близко его затрагивавшем назревавшем деле юристов он, после того, как переслал в ЦК заявление академика Трайнина, больше не занимал видимой позиции. Между тем, для развития этого дела была применена классическая провокация, осуществленная старым ученым юристом профессором С. Покровским. К уже сказанному по этому поводу в литературе следует добавить, что ставший ее жертвой одаренный молодой ученый Валентин Лифшиц, ученик члена-корреспондента Строговича и других коллег Вышинского, был сыном его сослуживицы по Наркомпросу С. Е. Копелянской. Вышинский, который был, как и она, наполовину польской крови, называл ее польским именем «Зося». Под новый 1953 год В. Лифшиц был приговорен к расстрелу. А. Ваксберг в новогоднюю ночь отправил от имени С. Е. Копелянской отредактированную его матерью и другой видной московской адвокатессой телеграмму Вышинскому. «Не было никакой надежды! — вспоминал А. Ваксберг. — Ведь обвинялся Валя ни много ни мало в покушении на товарища Сталина: собрался он вроде бы убить вождя, когда тот по Арбату поедет на дачу. Затащить на крышу здания, где теперь ресторан “Прага”, станковый пулемет и дать очередь по машине... Ну мог ли Вышинский, сам ожидавший в любую минуту стать шпионом и террористом, подать голос?.. Ответа Зося не получила. Молчание Вышинского и было его ответом»³⁷.

Как к министру иностранных дел, к нему стекались протесты из-за рубежа против объявленного предстоящим в близком будущем процесса над врачами. Присуждение сталинской премии мира И. Эренбургу и торжественная процедура его награждения не очень-то помогли делу. Среди протестов была и телеграмма Эйнштейна. Сведения о его отношениях с Коненковой, вероятно, объясняют хотя бы отчасти то обстоятельство, что ответа он не получил.

«Тем не менее Вышинский не мог скрыть от Сталина реакции Запада на готовящийся процесс и на то, что должно было за ним последовать, — пишет А. Ваксберг. — Телеграмма Эйнштейна была тем поводом, который оправдывал это тревожное сообщение. Версия о том, будто Вышинский предлагал отменить или хотя бы отложить этот процесс, не имеет документальной основы, да и не мог Вышинский что бы то ни было рекомендовать товарищу Сталину! Изложить заведомо нежелательные для адресата факты — даже в этом уже был немалый риск. Возмож-

но, он просчитал, что гнев обернется не против него — против Молотова, чья жена по-прежнему томилась во Владимирской тюрьме за связь с презренными сионистами»³⁸. Из этого следует, что с каким-то представлением Вышинский к Сталину, преодолевая свой страх, все же обращался. По-видимому, свидетельство этого оказалось в его бумагах, с которыми А. Ваксберг работал, но определенного об этом сообщения не оставил.

А с представлением, которое сделал Сталину Ю. П. Францев, дело обстоит еще более удивительным образом. О том, что оно было подано, мне тогда же рассказал мой первый университетский учитель, профессор Н. П. Полетика, автор известных книг «Сараевское убийство» и «Возникновение мировой войны». Как я уже писал, он из политической осторожности (вероятно, нелишней) в 1951 г. покинул Ленинград и работал сначала в Ташкенте, а потом в Минске. Вплоть до отъезда в Израиль, где прошли последние годы его жизни, он часто приезжал в Ленинград. В 1953 г., приехав через Москву, он рассказал мне, что «дело врачей», как он выразился, сорвал Сталину Ю. П. Францев. По его словам, Францев в качестве ответственного за освещение в печати будущего суда³⁹ письменно доложил, что устраивать его открытым нельзя по двум причинам. Во-первых, просил визы на въезд в СССР для присутствия на суде Л. Фейхтвангер. Отказать ему, сочувственно изобразившему советский суд тридцатых годов, было неудобно, а надеяться на то, что он поведет себя так же, как тогда, было трудно. Во-вторых, о том же ходатайствовали двое шведских медиков, к которым А. А. Жданов обращался, находясь в Финляндии, они были готовы дать сведения о его болезни. (Со Ждановым и без того вышла неустойка: объявленный главной жертвой врачей-евреев, он лечился у двух русских по национальности медиков — профессора П. И. Егорова и доктора Г. И. Майорова.)

Перед тем, как изложить рассказ Н. П. Полетики в своих воспоминаниях, я обратился к академику А. А. Фурсенко с просьбой поискать этот документ в московских архивах, в которые он был вхож (сам я такой плохой ходок, что давно не бываю в Москве). «Не надо искать, лежит на своем месте», — ответил он. В воспоминаниях я написал о разговоре с одним из своих коллег, но после его кончины назвал его⁴⁰.

Если сообщение Вышинского Сталину, хотя и в неопределенной форме, упомянуто в книге А. Ваксберга, то несомненно существующий в архиве документ Ю. П. Францева до сих пор никем из видевших его в литературе не назван. Представляется, что оба эти документа, как и материалы, которыми они сопровождались (если такие материалы существовали и сохранились), должны быть опубликованы вместе со всеми существующими об этом сведениями.

Что означали эти предупреждения для Сталина? Присутствовавший на торжественном заседании по поводу его семидесятилетия заведующий Ленинградским отделом здравоохранения профессор Ф. И. Машанский говорил, что на основании поведения юбиляра не сомневался в его душевном заболевании. Не останавливаясь здесь на приглашении к Сталину в 1927 г. В. М. Бехтерева, умершего сейчас же после этого⁴¹, отметим, что он оказался не единственным психиатром, роковым для себя образом соприкасавшимся со Сталиным.

Германский психиатр А. Кронфельд, бывший когда-то судебным экспертом по делу Гитлера до прихода того к власти и бежавший в СССР, где он консультировал Сталина, очевидно, покончил с собой — во всяком случае, был найден мертвым вместе с женой 16 октября 1941 г.⁴²

Эрих Фромм, философ и психоаналитик, усматривал у Сталина авторитарный садомазохизм. Известный финский историк Тимо Вихавайнен со ссылкой на Фромма расценивает поведение Сталина «как “несексуальный садизм”, что означало получение удовольствия от безусловной и безграничной власти над каким-нибудь живым существом». «Заставлять жертву чувствовать боль — это лишь один из способов господства, но вовсе не единственный, — продолжает Т. Вихавайнен. — Во всяком случае, чувство полноты власти безусловно является звездным часом садиста и основой его хорошего настроения»⁴³. О болезни ли идет здесь речь или о чем-то ей, возможно, сопутствующем?

Современные психиатры считают, что Сталин был заинтересован в опубликовании сведений о глубоком поражении психики Ленина⁴⁴.

Первое «дело врачей» (Л. Г. Левин⁴⁵, Д. Д. Плетнев, И. Н. Казаков) могло оставить у Сталина чувство глубокой подозрительности по отношению вообще ко всем врачам — как к тем, которых он объявил убийцами, так и к другим, подтвердившим это обвинение в качестве экспертов. Еще в 1947 г. он поручил маршалу А. М. Василевскому расследовать причины смерти генерал-полковника В. В. Глаголева. Летом 1949 г. министр здравоохранения СССР генерал-полковник медицинской службы Е. И. Смирнов был вызван к Сталину на дачу. В течение трех суток Сталин у него искал ответа на вопрос: «Почему Жданова и Димитрова лечил один врач?»⁴⁶ А когда в 1952 г. профессор В. Н. Виноградов проявил стойкость, которой у него как эксперта не оказалось в 30-х гг., и после обследования вождя официально предписал ему прекращение трудовой деятельности, тот произнес свой вердикт: «В кандалы!»

Враждебность Сталина к врачам была связана не только с его собственным диагнозом, который могли разделять и не-психиатры. Она имела для него, прежде всего, утилитарно-политическое значение. Евреизация подготовлявшегося «врачебного дела» — об этом много написано — объяснялась, в частности, стремлением Сталина в продолжение процесса Еврейского антифашистского комитета использовать национальный мотив для дискредитации своих ближайших соратников Молотова, Кагановича и Маленкова. Жена Молотова и брат Кагановича попали под партийные репрессии еще перед войной⁴⁷. Он застрелился, а П. С. Жемчужина-Молотова была в 1949 г. арестована. Дочь Маленкова Валерию пришлось разводить с ее мужем В. М. Шамбергом, сыном помощника Маленкова М. А. Шамберга и В. С. Шамберг, дочери «разоблаченного» по делу Еврейского антифашистского комитета С. А. Дридзо-Лозовского, женатого на сестре М. А. Шамберга С. А. Шамберг. Самого М. А. Шамберга отправили в провинцию⁴⁸.

Микояна, отца нескольких сыновей, Сталин держал под угрозой их ареста. На подступах к «ленинградскому делу» Серго Анастасович Микоян, впоследствии видный специалист по Ла-

тинской Америке, женился на учившейся в нашей школе умной и скромной дочери А. А. Кузнецова. В день их свадьбы ее отец был снят со всех своих постов, и решил было на свадьбу не ходить. А. И. Микоян, однако (не с ведома ли Сталина?), настоял на присутствии своего свата. Во время свадебного путешествия молодые узнали о его аресте.

Берия, которому при назначении на пост наркома Сталин пытался противопоставить В. П. Чкалова, в начале 1950-х гг. существовал под тревожным знаком так называемого мингрельского дела с угрожающей кличкой «большой мингрел». Похоже, что он не оставался у Сталина в долгу, не упуская возможностей для сбора материала на самого «хозяина». У Сталина было двое незаконных сыновей, прижитых им в ссылках и существовавших со взятыми с них НКВД подписками о неразглашении своего происхождения, — Александр Давыдов (его мать вышла впоследствии замуж за Давыдова, имела 8 детей; Сталин на ее обращения ни разу не ответил) и Константин Кузаков, мать которого была вдовой погибшего на русско-японской войне С. Кузакова. Оба они не имели с отцом никаких отношений. А. Давыдов, много воевавший и кончивший военную службу майором, был прорабом на стройке в Красноярске до своей смерти в 1967 г., сын его — архитектор. Мария Прокопьевна Кузакова, умершая в Ленинграде в декабре 1941 г., после революции обратилась к Сталину за помощью, которую он ей в свое время обещал (у нее было трое детей от погибшего мужа), но он не ответил. Тогда она обратилась к Ленину, в Секретариате которого письмо попало к Н. С. Алилуевой. Она втайне от Сталина начала помогать М. П. Кузаковой. К. С. Кузаков окончил Ленинградский институт философии, литературы и искусства, преподавал философию. В 1939 г. вступил в ВКП(б) и был переведен Ждановым в аппарат ЦК, где стал заместителем начальника Управления пропаганды и агитации. Во время войны в чине полковника выезжал с лекциями на фронт. Но в 1947 г. Берия обвинил его в «атомном шпионаже». Его не арестовали, но исключили из партии «за потерю бдительности». В пользу того, что это был бериевский камень за пазухой против Сталина, говорит то обстоятельство, что восстановление Кузакова в правах произошло только тогда, когда был арестован сам Берия, который, по всей вероятности, приберегал и этот сюжет для посмертной дискредитации вождя. Достаточно было представить его отцом не шпиона, а внебрачного сына. После восстановления Кузаков стал директором издательства «Искусство» (двое моих знакомых сотрудников этого издательства отзывались о нем очень хорошо) и занимал другие видные посты в сфере культуры.

Расстановке и направлениям сил «в верхах» сталинской сверхдержавы к концу жизни ее вождя посвящена значительная литература. Отмечу здесь, что он держал под прицелом своих ближайших соратников на основе своего принципа «чистеньких не бывает», ради которого каждый из них должен был иметь руки в крови.

Не меняя своего пристрастия к регулярным расправам над конструируемыми им самим организациями собственных врагов, он допускал наряду с этим проблески мыслей о либерализации режима как средстве усиления его прочности, а заодно и обвинения соратников в нару-

шении норм партийной жизни или в больших грехах. Уже вскоре после войны Сталин в разговоре с А. А. Ждановым и Н. А. Вознесенским выразил сожаление по поводу размаха предвоенных репрессий и даже упомянул о покаянии. Однако их мысль о созыве для этого съезда партии он отверг⁴⁹. Не исключено, что этот разговор оказал губительное влияние на судьбу обоих собеседников Сталина.

Осенью 1951 г. Политбюро разрешило вступление профсоюза работников высшей школы и научных учреждений в Международную организацию научных работников, которое состоялось в 1952 г. Между тем, и в октябре 1948 г., и в 1949 г. это не было разрешено, несмотря на то, что в мае этого года председатель Федерации, член Французской компартии, известный физик Жолио-Кюри заявил вице-президенту АН СССР академику В. П. Волгину, что «считает Федерацию полезным орудием расширения влияния коммунистических принципов в интеллигентской среде»⁵⁰.

«В ноябре 1951 года, — пишут А. А. Данилов и А. В. Пыжиков, — в Грузии прошло разоблачение антипартийной группы Баремия. Как сообщалось, они намеревались захватить власть в республике и подготовить ликвидацию советского строя, рассчитывая при этом на помощь зарубежных империалистов»⁵¹. Политбюро объяснило это тем, что «самокритика в грузинской парт-организации, как и критика снизу со стороны рядовых членов партии, как правило, не практикуется и не пользуется почетом...»⁵². Цитируемые авторы подчеркивают, что такие черты были присущи деятельности всех партийных органов, включая высшие, а рассмотрение на Политбюро вопроса «О положении дел в компартии Грузии» определялось намерением нанести удар по Берии с заменой на посту первого секретаря ЦК Грузии пользовавшегося его покровительством с 1938 г. К. Н. Чарквиани находившимся с ним во враждебных отношениях А. И. Мгеладзе.

Берия вел борьбу не только со Сталиным, но и за влияние на него. Арестованных Поскребышева⁵³ и начальника охраны Сталина генерала Н. С. Власика он собирался заменить своими людьми, но Сталин этого уже не дождался.

Что касается Молотова и Микояна, то их Сталин, как известно, безоговорочно объявил шпионами в своей речи после XIX съезда.

Хотя военные приготовления против США Сталин активно продолжал, в его появившейся в 1952 г. новой работе «Экономические проблемы социализма в СССР» между прочим говорилось, что война между капиталистическими державами может разразиться скорее, чем между СССР и США. Это заявление, как и созыв осенью 1952 г. в Москве Международного экономического совещания, на которое были приглашены представители деловых кругов Запада, с докладом академика С. Г. Струмилина⁵⁴, как бы ослабляли военную угрозу. В директивах XIX съезда специально отмечались плановые задания по экономическому развитию трех прибалтийских республик⁵⁵. Примерно тогда же пользование литературой спецхранения в библиотеках было разрешено по письму с места работы вместо ранее требовавшегося допуска к секретной работе.

Наряду с этим, с конца октября 1952 г. Сталин стал настойчиво требовать выколачивания признаний у арестованных врачей. Вот что сообщил об этом бывший министр государственной безопасности С. Д. Игнатьев в своих объяснениях Берии 27 марта 1953 г.: «“Бейте!” — требовал он от нас, заявляя при этом: “Вы, что, хотите быть более гуманными, чем Ленин, приказавший Дзержинскому выбросить в окно Савинкова? У Дзержинского были для этой цели специальные люди — латыши, которые выполняли такие поручения. Дзержинский — не чета вам, но он не избегал черновой работы, а вы, как официанты, в белых перчатках работаете. Если хотите быть чекистами, снимите перчатки”»⁵⁶.

Ссылка на действующего в 1925 г. Ленина, как и приведенный в пример Дзержинский, о котором Сталин в 1937 г. заявил: «Это был очень активный троцкист, и весь ГПУ он хотел поднять в защиту Троцкого. Это ему не удалось...»⁵⁷, имели своим происхождением либо потерю Сталиным памяти, либо его полную беспардонность.

«Уже в 1952 г. поползли слухи, что “хозяин” нездоров; говорилось это шепотом и только самым близким людям!» — вспоминал академик Н. К. Кочетков⁵⁸. В ноябре Сталин убрал из МГБ главного устроителя «дела врачей» Рюмина, считая недостаточными собранные им улики.

17 ноября 1952 г. в «Правде» в передовой статье «Развертывать критику и борьбу мнений в науке» было сказано: «Нельзя, например, считать нормальным положение, сложившееся в физике, где имеются группы ученых, которые уклоняются от дискуссий и игнорируют любые попытки подвергнуть критике идеалистические течения в современной физике»⁵⁹. 28 ноября 1952 г. в Физическом институте АН СССР состоялся доклад члена-корреспондента АН СССР, ленинградца А. Д. Александрова «Философские ошибки в некоторых учебниках физики, написанных сотрудниками ФИ АН». В ходе подготовительных заседаний к совещанию 1949 г. он вместе с группой ленинградских физиков, возможно, под влиянием приезжавшего в Ленинград С. И. Вавилова, не поддерживал Максимова. Теперь у него была иная позиция. «Я был вынужден, — начал он, — по данному мне одной организацией поручению заняться исследованием некоторых книг по физике, и... обнаружил некоторые вещи в духе субъективного идеализма»⁶⁰. Что он действует «по поручению одной организации», А. Д. Александров повторил и в заключительном слове⁶¹. Для него, математика, это поручение предшествовало назначению на пост ректора ЛГУ. Главное зло усматривалось в работах Л. И. Мандельштама. Открывшаяся подготовленным летом 1952 г. «боевым» сборником «Философские проблемы современной физики» и статьей А. А. Максимова «Против реакционного эйнштейнианства» в газете «Красный флот» 13 июня 1952 г. кампания была возобновлением отмененной в марте 1949 г. (не играла ли газета «Красный флот» роль «журнала мясомолочной промышленности?»).

На сей раз формой сопротивления физиков было коллективное декабрьское письмо к Берии одиннадцати физиков, членов АН СССР, с требованием разрешить академику В. А. Фоку ответить в печати на выпады против него Максимова в «Красном флоте». Берия переслал это письмо Маленкову, который поручил дело М. А. Суслову, секретарю ЦК Н. А. Михайлову и за-

ведущему Отделом науки Ю. А. Жданову. Они отметили ошибку редакции «Красного флота», напечатавшей статью «не по профилю». Статья В. А. Фока была рекомендована в «Вопросы философии» и помещена в № 1 за 1953 г., но намечавшийся Секретариат по поводу письма физиков не состоялся. Максимов же, не зная об этом, 5 февраля 1953 г. подал Берии донос на Фока, обвиняя его не только в идеологических грехах, но и в злоупотреблении его, Берии, именем⁶². Н. А. Михайлов и Ю. А. Жданов этого не одобрили. Стали обследовать физический факультет МГУ, оплот «идейности» в физике.

Дружное сопротивление атомщиков сыграло свою роль. Борьба продолжалась с перевесом на их стороне, в отличие от того, как это было во время предыдущего натиска ЦК.

Ведь отмена совещания по физике в марте 1949 г. не прекратила партийного наступления в области точных — как, впрочем, и гуманитарных — наук. Уже летом 1949 г. Агитпроп ЦК подверг критике статью и выступление С. И. Вавилова о Ленине и философских проблемах физики, его доклад об этом на совещании заведующих кафедрами марксизма-ленинизма⁶³. Осенью 1950 г. С. И. Вавилу как президенту АН пришлось освободить от обязанностей директора Физико-технического института академика А. Ф. Иоффе, чествование семидесятилетия которого тогда же, в ходе заседания, было сведено к его собственному самокритическому докладу⁶⁴. Директором стал А. П. Комар. Назревал поход против преклонения перед заграницей в области химии (Всесоюзное совещание по этому поводу состоялось в Отделении химии АН в июне 1951 г.).

По-видимому, у президента АН были основания опасаться самого худшего. С. П. Капица передал рассказ отца, которого С. И. Вавилов за несколько дней до своей кончины пригласил на ужин и, несмотря на подозрения в прослушивании квартиры, говорил с ним «о той страшной ситуации, в которой оказались ученые»⁶⁵. С. И. Вавилов скончался 25 января 1951 г. на следующий день после глубоко его огорчившей смерти в Ленинграде академика И. Ю. Крачковского. Этот выдающийся востоковед-арабист в марте 1949 г. незадолго до команды о приглушении антикосмополитической кампании был подвергнут проработке, устроенной приехавшим из Москвы литератором Л. И. Климовичем, получившим кличку «Клеймович». Аудитория его не поддержала. Здесь я опять должен обратиться к происходившему тогда в стенах ЛГУ. На кафедре новой истории исторического факультета работала тогда лаборанткой интеллигентная скромная дама К. Н. Скалова, сестра академика Н. Н. Семенова. Ее сын, студент восточного факультета А. П. Сидоров, поддерживал И. Ю. Крачковского с особой экспрессией. А когда 23 апреля 1949 г. за ним пришли, он сумел убежать и отправиться в Москву, но был снят с поезда и получил десятилетний срок⁶⁶. Арестовано было еще двое студентов. Поскольку службе государственной безопасности было известно, что Сидоров собирался обратиться за помощью к дяде (он начал учиться в МГУ, откуда перевелся в Ленинград), не исключено, что С. И. Вавилов как президент АН был тогда по крайней мере введен в курс этого дела. Мало того. Толчок кампании Климовича был дан постановлением Президиума АН об Институте востоковедения, принятым в конце 1948 г. по докладу С. И. Вавилова. Между тем, Вавилов высоко ценил Крачковского и в 1946 г. способствовал переизданию его известной книги

«Над арабскими рукописями»⁶⁷. А. Ф. Иоффе, находившийся у С. И. Вавилова после кончины Крачковского, вспоминал о том потрясении, которое Вавилов так и не пережил⁶⁸.

Смерть Крачковского придала его тяжелым размышлениям и мрачным предчувствиям губительную силу.

Но вернемся к концу 1952 г. 1 декабря на расширенном заседании Президиума ЦК Сталин выступил с речью против «американского империализма» и его «сионистских пособников», подвергнув критике органы государственной безопасности, возложив на них ответственность за недостатки в общественной жизни. Снова были заклеены Молотов и Микоян⁶⁹.

Но что можно было поделаться с Фейхтвангером? Ведь в 1937 г. Сталин больше трех часов беседовал с писателем, видевшим в нем защитника евреев от Гитлера в будущей войне⁷⁰, а теперь их преследователем оказался сам Сталин...

Массовые отклики на сообщение о «деле врачей» носили, как помнится, не столько антисемитский, сколько антиврачебный характер⁷¹. А «сказать по-простому, по-рабочему» обо «всех моих ашкенази и абрамах», как это позволил себе в 1949 г. литературовед из ЦК ВКП(б) Ф. М. Головенченко, переведенный после этого в пединститут, было некому...

Путь к «делу врачей» явно приобрел кризисный для режима характер. Трагический опыт такого образа действий в предвоенные и военные годы делал активную массовую поддержку обещанного 13 января 1953 г. на ближайшее время процесса над врачами жизненно для Сталина важной, тем более что с процессом связывалась возможность «чистки» в Политбюро. А теперь, после того, как сообщение о предстоявшем суде потрясло мир, оказывалось, что успех такого важного для Сталина его замысла под вопросом. Последствий другого данного им единолично хотя и бытового, казалось бы, но все равно беспрекословного распоряжения ему уже не было суждено осознать: не один час пролежал он на влажном полу своей комнаты, в которую охрана не могла войти без вызова или уважительной причины, каковой долго не находилось, пока не появились доставленные из ЦК рутинные бумаги...

¹ Сталин и космополитизм. Документы Агитпропа ЦК КПСС. 1945–1953 / Сост. Д. Г. Наджафов и З. С. Белоусова. М., 2005.

² Ганелин Р. Ш. Ученые-гуманитары — жертвы борьбы с космополитизмом // Санкт-Петербургский университет в XVIII—XX вв. Европейские традиции и российский контекст. СПб., 2009. С. 419–443.

³ Ганелин Р. Ш. Советские историки: о чем они говорили между собой. Страницы воспоминаний о 1940-х — 1970-х годах. СПб., 2004. С. 68.

⁴ Ганелин Р. Ш. Ученые-гуманитары... С. 433–434.

⁵ Санкт-Петербургский филиал Архива РАН. Ф. 221. Оп. 4. Д. 278. Л. 77.

⁶ Наджафов Д. Г. Введение // Сталин и антикосмополитизм. С. 17. — Впрочем, в ходе следствия и суда над группой студентов и аспирантов ЛГУ, обвинявшихся в еврейском национализме, термин «космополитизм» не при-

менялся (*Лянда-Геллер Б.* Воспоминания. СПб., 2010). О том, как антикосмополитическая кампания выросла из актов в еврейском вопросе военного времени, особенно осени 1943 г., см.: *Ганелин Р. Ш.* Из воспоминаний о Н. Е. Носове // Государство и общество в России: XV — начало XX в.: Сб. статей памяти Николая Евгеньевича Носова. СПб., 2007. С. 10–13. — Именно в это время начальник Главного политуправления вооруженных сил и секретарь ЦК ВКП(б) А. С. Щербаков прислал группу своих подчиненных в Беломорск, где находился штаб Карельского фронта, для проверки фронтовой газеты. Когда они вернулись в Москву, Щербаков позвонил члену военного совета фронта, первому секретарю Карело-финского обкома ВКП(б) Г. Н. Куприянову. Вот как передает этот разговор биограф Куприянова:

«— Товарищ Куприянов! Вы читаете свою газету?

— Читаю.

— Вам она нравится?

— Мне газета нравится. Ваши товарищи тоже не отметили серьезных недостатков.

— Знаете ли вы сотрудников редакции?

— Знаю основных лучших журналистов.

— А знаете ли Вы, что половина редакции — евреи.

— Мы одна фронтовая семья, — ответил Куприянов, сообразив, в чем дело.

Щербаков учинил подлинный разнос. Ругался матом, что тогда было в моде, сказал, что член Военного совета Куприянов отстал от жизни, ибо не знает, кто сидит в тылу, кто оказался в редакции фронтовой газеты. В конце разговора последовал прямой приказ:

— Разогнать эту Вашу синагогу!» (*Гордиенко Анат.* Куприянов и его время. Петрозаводск, 2010. С. 258—259).

Решения по еврейскому вопросу именно в 1943 г. были, как представляется, связаны с началом освобождения оккупированных территорий, а роспуск Коминтерна облегчал их принятие.

⁷ Сталин и космополитизм. С. 444.

⁸ *Ганелин Р. Ш.* Ученые-гуманитары... С. 432.

⁹ О партийном руководстве физикой начиная с 30-х гг. см. работы М. Д. Ахундова, Л. Б. Баженова, В. П. Визигина, В. Л. Гинзбург, Б. М. Кедрова, К. А. Томилина, Ю. Б. Харитона и др. В Ленинграде неустанным борцом против «реакционного эйнштейнианства» был литератор В. Е. Львов, сын долго жившего в эмиграции Е. Д. Львова, товарища министра финансов В. Н. Коковцова. Его официальное положение заключалось в членстве в профгруппе при Союзе писателей, в которую входили лица, жившие литературным трудом, но не принятые в Союз.

¹⁰ *Марков М. А.* Глазами очевидца. Записала Н. Д. Морозова // Природа. 1990. № 5 (897). Май. С. 100.

¹¹ *Сонин А. С.* Совещание, которое не состоялось // Природа. 1990. № 3 (895). Март. С. 99.

¹² Там же.

¹³ Служебная записка зав. сектором науки Агитпропа ЦК Ю. Жданова Д. Т. Шепилову. Начало января 1949 г. // Сталин и космополитизм. С. 210.

¹⁴ Сталин и космополитизм. С. 348.

¹⁵ Там же. С. 379. Примеч.

¹⁶ Там же. С. 380. Примеч.

¹⁷ *Сонин А. С.* Совещание, которое не состоялось // Природа. 1990. № 3 (895). Март. С. 99.

¹⁸ Цит. по: *Торчинов В. А., Леонтьев А. М.* Вокруг Сталина. Историко-биографический справочник. СПб., 2002. С. 115–116. — О возобновлении ее см. ниже.

¹⁹ *Марков М. А.* Глазами очевидца. С. 101.

²⁰ Цит. по: *Ирхин В. Ю., Ануфриева Е. И.* Магнетизм науки и магнетизм личности // Вестник РАН. Т. 80. 2010. № 9. Сентябрь. С. 848.

²¹ Фейнберг Е. Л. Игорь Евгеньевич Тамм (1895–1971) // Фейнберг Е. Л. Эпоха и личность. Физики. Очерки и воспоминания. М., 1999. С. 25.

²² Не такого же происхождения была и другая называемая А. Ваксбергом (Царица доказательств. Вышинский и его жертвы. М., 1992. С. 305) причина отстранения Молотова — его инициатива в осуществлении оказавшейся неудачной блокады Берлина? Не входила ли блокада в намерения Сталина?

²³ Ваксберг А. Царица доказательств. С. 332, 347.

²⁴ Там же. С. 315.

²⁵ Сталин и космополитизм. С. 524. Примеч.

²⁶ Стайтс Р. Сцена и суд в российской революции // Страницы истории: Сб. статей, посвященный 65-летию со дня рождения проф. Г. А. Тишкина. СПб., 2008. С. 451–459.

²⁷ Председатель военной коллегии Верховного суда Ульрих, еще в 1920-х гг. в ЧК и ОГПУ постоянно участвовавший в казнях (Тепляков А. Г. Процедура: исполнение смертных приговоров в 1920—1930-х годах. М., 2007. С. 30), покорял дам, искавших знакомства на улице, рассказами о своих кровавых подвигах. Вероятно, такой способ ухаживания приводил к скромности получавшегося ими вознаграждения. Секретарь этой коллегии А. А. Батнер, жена которого была личной секретаршей Ульриха, близкой к патрону, забил насмерть свою четырехлетнюю дочь, когда та с воспалением легких и температурой в 40° не попросилась на горшок. Дома он рассказывал, что за ночь расстреливал до 150 человек. Будучи поволжским немцем, стал русским. «Для этого, — писала его невестка, — сделал все, чтобы, кроме него и сына, не осталось других Батнеров: всех до одного отправил под пули, вся родня выполота на корню, исчезла даже из архивов. Ее просто не было — и все!» (Ваксберг А. Моя жизнь в жизни. Т. 2. М., 2000. С. 332).

²⁸ Ваксберг А. Царица доказательств. С. 289.

²⁹ Там же. С. 297–298.

³⁰ Что Фефер надеялся избежать этой участи, последовательно исполняя свою роль, вполне вероятно. А Фадеев? Вспоминал ли он перед самоубийством, в числе прочего, ужин с Фефером и его судьбу? Или это было не самым страшным у него на совести.

³¹ По рассказам жителей писательского дачного поселка Переделкино, К. И. Чуковский к надписи на заборе ермиловской дачи: «Злая собака» добавил: «и беспринципная».

³² Ваксберг А. Царица доказательств. С. 287–288.

³³ В 1954 г. в том же зале состоялся суд с расстрельным приговором над бывшим министром государственной безопасности В. С. Абакумовым, обвинявшимся, в частности, в создании «ленинградского дела».

³⁴ Альбац Е. Мина замедленного действия (Политический портрет КГБ). М., 1992. С. 127. — Возражая К. Готвальду, настаивавшему на том, что Боярский оказывает в Праге «очень ценную помощь», Сталин написал: «Опыт работы Боярского в ЧССР показал, что у него недостаточно квалификации для выполнения ответственных обязанностей советника...». См. также: *Paleček P. Komunisticky zehzím a politicke procesy v Československu*. Brno, 2001. S. 125–130; а также предшествовавшие работы этих авторов. Благодарю за перевод Е. Ф. Тутову.

³⁵ Данилов А. А., Пыжиков А. В. Рождение сверхдержавы. М., 2001. С. 54–58. — Опубликование этих сведений именно в 2001 г., когда вышла эта книга, проливалось беспощадно яркий свет на кампанию, которую вел тогда генерал-майор (!) Боярский как заместитель председателя Комитета памяти маршала Г. К. Жукова, участвуя в подготовке оказавшегося проигранным суда с обвинениями НТВ в недостаточной патриотичности (см. ссылку А. А. Данилова и А. В. Пыжикова на: *Лебедев Б. Оболганная победа* // Советская Россия. 2001. 8 мая).

³⁶ Ганелин Р. Ш. Советские историки: о чем они говорили между собой. Страницы воспоминаний о 1940-х — 1970-х годах. 2-е изд. СПб., 2006. С. 97.

³⁷ Ваксберг А. Царица доказательств. С. 334.

³⁸ Там же. С. 336.

³⁹ Не исключено, что Францев уже занял к этому времени должность заместителя главного редактора «Правды» по международным вопросам.

⁴⁰ Ганелин Р. Ш. СССР и Германия перед войной. Отношения вождей и каналы политических связей. СПб., 2010. С. 253.

⁴¹ Читатель может быть отослан к недавно появившейся статье внука последней жены Бехтерева, в которой опровергается версия о ее причастности к отравлению мужа (Арэ Ф. Э. Памяти Берты Яковлевны Бехтеревой // История Петербурга. 2009. № 2. С. 3–8). Профессор Арэ, в частности, пишет, что она, латышка по национальности, не могла быть, как утверждалось, в родстве с евреем Г. Г. Ягодой. В 1937 г. Б. Я. Бехтерева была расстреляна.

Мой отец, связанный по роду своей деятельности с психологами, рассказывал, что Бехтерев успел сообщить двум своим ученикам, находившимся на съезде в Москве, что был приглашен к высокопоставленному лицу и по медицинским соображениям не скрыл от него факта его болезни.

⁴² Ганелин Р. Ш. СССР и Германия перед войной. С. 187.

⁴³ Вихавайнен Т. Сталин и финны. СПб., 2000. С. 123.

⁴⁴ См.: Осипов П. В. Болезнь и смерть В. И. Ульянова-Ленина // Наша искра. 1925. № 1(13). С. 9–23. — Статья предшествовала лекция ее автора в Доме просвещения им. Плеханова.

⁴⁵ Сын Л. Г. Левина, сотрудник Наркоминдела В. Л. Левин, был расстрелян, другой сын, хирург Г. Л. Левин, арестован. Внуком падчерицы Л. Г. Левина Д. О. Бронштейн, вышедшей замуж за одного из представителей чайного дела Высоцких, был знаменитый Владимир Высоцкий, внучкой — детская писательница и журналистка Ирэна Высоцкая, автор книг о семье Высоцких. Благодарю за помощь А. С. Крымскую.

⁴⁶ Торчинов В. А., Леонтьев А. М. Историко-биографический справочник. СПб., 2000. С. 436.

⁴⁷ Ганелин Р. Ш. Дело М. М. Литвинова на XVIII конференции ВКП(б) // Новейшая история России. 2011. № 1. Июнь. С. 130–132.

⁴⁸ В день исключения Лозовского из партии 21 января 1949 г. М. А. Шамберг подал в ЦК заявление довольно пристойного характера о своих родственных с ним отношениях, настаивая лишь на том, что разговоров политического характера они друг с другом не вели (Российский государственный архив социально-политической истории. Ф. 17. Оп. 118. Д. 296. Л. 62–64; Фонд А. Н. Яковлева // <http://www.alexanderyakovlev.org>). М. А. Шамберг был многолетним помощником Маленкова, и в какой-то мере — его наставником (Зеленов М. В. Перестройка Аппарата ЦК ВКП(б) в 1946 г., в июле 1948 и октябре 1952 г.: структура, кадры и функции (источники для изучения) // Новейшая история России. 2011. № 1. Июнь. С. 116. — Со ссылкой на: Шумейко Г. В. Из летописи Старой площади. Исторический опыт. М., 1996. С. 154).

⁴⁹ Ганелин Р. Ш. СССР и Германия перед войной. С. 252.

⁵⁰ В. П. Волгин — Г. М. Маленкову, 19 мая 1949 г. // Сталин и космополитизм. С. 280–281. Примеч. 2.

⁵¹ Данилов А. А., Пыжиков А. В. Рождение сверхдержавы. С. 247–249.

⁵² Там же.

⁵³ Жизнь этого самого близкого к Сталину человека была наполнена издевательствами. Вымолить у Сталина отмену ареста жены ему не удалось, вместо нее ему была назначена на эту роль другая женщина, которую дети называли «второй мамой». Сталин собственноручно избивал его. Арестованный, он признал себя агентом сионизма.

⁵⁴ Существует четырехчасовой хроникальный фильм об этом совещании.

⁵⁵ КПСС в резолюциях съездов, конференций и пленумов ЦК. Т. 8. 1946–1955. М., 1989. С. 265, 268, 270.

⁵⁶ Тепляков А. Г. Процедура: исполнение смертных приговоров в 1920–1930-х годах. М., 2007. С. 78.

⁵⁷ Лубянка. Сталин и главное управление госбезопасности НКВД. Архив Сталина. 1937–1938 / Сост. В. Н. Хаустов, В. П. Наумов, Н. С. Плотникова. М., 2003. С. 203.

⁵⁸ *Кочетков Н. К.* Возвращение в науку // Вестник РАН. Т. 81. 2011. № 4. Апрель. С. 355. — «Аресты продолжались, — добавлял мемуарист, — хотя, конечно, не в тех масштабах, что в довоенные годы, но они носили какой-то неожиданный “спазматический” характер».

⁵⁹ Сталин и космополитизм. С. 644. Примеч.

⁶⁰ *Сонин А. С.* Газета «Красный флот» против идеализма в физике // Вестник РАН. Т. 61. 1991. № 1. С. 113—122.

⁶¹ Ср., однако, сообщение об этом заведующего отделом науки ЦК Ю. А. Жданова в докладной записке Г. М. Маленкову 26 июля 1952 г.: «Наряду с Максимовым ряд других видных ученых (например, член-корреспондент АН СССР А. Д. Александров, действительный член АН УССР Комар А. П.) также отмечают наличие в трудах Мандельштама серьезных идеологических ошибок» (Сталин и космополитизм. С. 643). Почти полвека спустя престарелый академик А. Д. Александров во время перерыва в ходе общего собрания РАН в отсутствие председательствовавшего поднялся с помощью жены на трибуну и стал произносить хвалебную речь о Сталине. К трибуне сейчас же подошел один из участников собрания, который перед всем залом напомнил А. Д. о его докладе против идеализма в физике, и тот, замолчав, вернулся на свое место.

⁶² Берия и теория относительности / Публ. подг. С. С. Илизаров и Л. А. Пушкарева // Исторический архив. 1994. № 3. С. 215—223.

⁶³ Сталин и космополитизм. С. 448—550.

⁶⁴ См.: *Фриш С. Э.* Сквозь призму времени. Воспоминания. М., 1992. С. 366.

⁶⁵ *Капица С. П.* Вступ. заметка к: *Сонин А. С.* Совещание, которое не состоялось // Природа. 1990. № 3 (895). Март. С. 97.

⁶⁶ См.: *Дулина Н. А.* 1949 г. Арест на Восточном факультете // Воспоминания выпускников Восточного факультета Л(СПб)ГУ послевоенных лет. СПб., 2005. С. 161—175; *Долинина А. А.* Невольник долга. СПб., 1994; Люди и судьбы. Библиографический словарь востоковедов — жертв политического террора в советский период (1917—1991) / Подг. Я. В. Васильков, М. Ю. Сорокина. СПб., 2003. С. 152—153, 349. — Благодарю А. А. Долинину за консультацию.

⁶⁷ *Долинина А. А.* Невольник долга. С. 378—379, 362.

⁶⁸ Там же. С. 398.

⁶⁹ *Данилов А. А., Пыжиков А. В.* Рождение сверхдержавы. С. 258.

⁷⁰ В посмертно опубликованной в 1990 г. статье Н. Я. Эйдельман выступил против И. Р. Шафаревича, настаивавшего на «параллельности утопических тенденций» западных либералов со сталинской системой (*Эйдельман Н. Я.* Гости Сталина // *Жид А.* Возвращение из СССР. *Фейхтвангер Л.* Москва 1937. Два взгляда из-за рубежа. М., 1990. С. 260—271).

⁷¹ Мне пересказали услышанный тогда в чертежном зале конструкторского бюро разговор сотрудниц, которых за поднятыми столешницами кульманов не было видно. На порицание евреев одной из них последовало возражение другой: «Ты на евреев очень-то не кати. Ведь как было: сначала — обезьяна, от нее произошли евреи, а от них уже мы все».